

ГЛИНКА
И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ
ВЪ ИСТОРИИ МУЗЫКИ

Г. ЛАРОША.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ. бульварѣ.
1867.

СОДЕРЖАНИЕ:

I.....	7
II.....	19
III.....	30
СТАТЬЯ ВТОРАЯ.	64
I.....	64
II.....	79
СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.....	97
I.....	97
II.....	119
III.....	133

Русская музыка находится теперь въ періодѣ развитія, который можно сравнить съ періодомъ исторіи италіанской музыки, непосредственно предшѣствовавшимъ Палестринѣ и Габріели, и занимавшимъ собой первую половину XVI вѣка. Вся тогдашняя Италія была въ музыкальномъ отношеніи не болѣе какъ колонія Нидерландовъ; самостоятельной музыкальной жизни не было, или она скрывалась въ сферахъ не замѣченныхъ; самые прославленные учителя, регенты, капельмейстеры, композиторы были Нидерландцы; публика довольствовалась композиціями націи, которая была ея музыкальною поставщицей; на первомъ планѣ между ея любимцами стояли имена Окенгейма, Жоскина, Гудимеля, Виллаерта; имена эти произносились съ благоговѣніемъ, тогда какъ имена туземныя скрывались въ темнотѣ, безсильныя бороться съ модой на Нидерланды, охватившею всю музыкальную Италію.

Не близко ли сходство между этою несамостоятельностью въ музыкальной жизни Италіи XVI вѣка и нашею теперешнею? Не находится ли наша музыка подъ давленіемъ сосѣдней народности, не задерживается ли ея правильное развитіе силой этого гнета? Музыкальная Россія та понынѣ не что такое какъ колонія Германіи: вся наша музыкальная дѣятельность, за исключеніемъ самой незначительной по объему доли, — композиторской, — въ рукахъ Нѣмцевъ; наши піанисты, классъ музыкантовъ, въ наше время преобладающій, почти исключительно Нѣмцы; капельмейстеры, преподаватели, наконецъ, инструментальные мастера и нотные торговцы, опять Нѣмцы завладѣвшіе у насъ всѣми ступенями музыкальной іерархіи отъ блестящей виртуозности до скромнаго ремесла, впрочемъ, гораздо болѣе вліятельнаго, нежели обыкновенно думаютъ. Нѣмцы не только матеріально завладѣли нашею музыкой, но и морально вліяютъ на нее складомъ своего народнаго

характера. Обратимся опять къ историческому сравненію. Преобладаніе нидерландской музыки въ Италіи вело къ тому, что въ то время, о которомъ я здѣсь говорю (въ до-палестриновское время), сочиненія Италіянцевъ были копіями съ сочиненій прославленныхъ Нидерландцевъ: мелкія и оставшіяся далеко за своими образцами, эти копіи могли только поддерживать въ публикѣ предразсудокъ противъ туземнаго, пока не явились великіе основатели римской и венеціанской школъ, Палестрина и Габріели, которые внесли въ музыку элементы италіанской народности. И у насъ композиторство находится на ступени подражанія, но подражательство это не исключительно направлено на нѣмецкіе образцы. Композиція — единственное поприще, на которомъ нѣмецкое вліяніе у насъ встрѣтилось съ вліяніемъ италіанскимъ, и хотя это послѣднее уже поослабѣло и теперь сильно лишь въ наименѣ музыкальныхъ сферахъ нашей публики, но все же италіанщина у насъ успѣла поколебать нѣмечину и войти въ составъ той атмосферы, среди которой произрастаетъ наша юная музыка. Композиція наша такъ же несамостоятельна, такъ же ненародна, какъ и италіанская XVI вѣка; но на нее вліяютъ не одна, а двѣ, совершенно различныя народности; на нее, такъ-сказать, дѣйствуетъ параллелограмъ силъ, и потому проявленія подражанія у насъ сложнѣе и менѣ очевидны нежели какъ было въ до-палестрановской Италіи.

Высказываемъ эти истины о настоящемъ положеніи нашихъ музыкальныхъ дѣлъ не съ цѣлью упрека или обвиненія. Исторія такъ высоко подняла развитіе сосѣдняго съ нами народа, она дала ему воспользоваться столькими счастливыми обстоятельствами, что намъ точно такъ же нельзя пенять на музыкальное превосходство Германіи въ настоящее время, какъ нельзя было и Италіянцамъ, современникамъ Окенгейма и Жоскина, негодовать на европейскую славу послѣднихъ. Германія давно

первенствуетъ между музыкальными націями, а первевство ея до сихъ поръ было вполне заслуженное. Но въ исторіи искусства каждаго народа, признанаго совершать великое на этомъ поприщѣ, наступаетъ, наконецъ, время равновѣсія и состязанія, когда созрѣвшія силы народнаго творчества мѣряются съ иноземнымъ преобладаніемъ и, наконецъ, перевѣшиваютъ его; но еще долго остается въ силѣ привычка, такъ часто руководящая людей въ эстетической оцѣнкѣ и въ этомъ случаѣ склоняющая публику на сторону не своего, а чужого, на сторону не отечественныхъ талантовъ, пробивающихъ себѣ дорогу, а иностранныхъ, пользующихся давнишнимъ авторитетомъ; эта силой историческихъ обстоятельствъ созданная несправедливость разрушается не вдругъ и не скоро. Содѣйствовать этому разрушенію, развѣять предрасудки противъ роднаго творчества, прочно установить значеніе отечественныхъ художниковъ, точно опредѣлить мѣру и характеръ ихъ заслугъ, дѣлается задачей критика, — задачей тѣмъ болѣе драгоцѣнною, что ею исполняется обязанность не только предъ искусствомъ, но и предъ народомъ. Искусство, безспорно, есть одинъ изъ важнѣйшихъ рычаговъ народнаго развитія: его объединяющая и одушевляющая сила ничѣмъ не замѣнима при созданіи народнаго самосознанія.

Для русской музыки теперь наступаетъ то переходное время, которое я выше назвалъ временемъ равновѣсія и состязанія. Еще въ салонахъ и концертныхъ залахъ преобладаютъ сочиненія италіянскія и нѣмецкія; еще Мендельсонъ у одной части публики, Верди у другой ея части не потеряла ни іоты своего обаянія; еще молодые русскіе композиторы волей-неволей тяготеютъ къ этимъ или другимъ иностраннымъ образцамъ. Но между тѣмъ давно уже скрылся за могильную доску величественный образъ русскаго композитора, соединившаго въ одномъ себѣ все